

## “СТЕКЛЯННАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО”

*К 60-летию поэта Александра Раевского*

Так назвал свою новую книгу стихотворений Александр Раевский, изданную в Кемерово под редакцией Б. В. Бурмистрова весной этого года и вошедшую в себя лучшее из предыдущих четырёх изданий с небольшой добавкой произведений, написанных в 2006–2008 годах.

Автор, на мой взгляд, удачно озаглавил свой труд строкой из стихотворения “Бабушкины слова”. Именно бабушка подсказала внуку, что “на небушко лесенка есть вон за той за зелёной берёзой”, по которой “к Боженьке можно залезть”. Назвав так сборник, поэт, конечно же, мыслил шире и подразумевал здесь ещё и светящийся хрупкий путь поэзии, да и вообще искусства к высотам духа, который, хотя и прекрасен, но чреват опасностью – ступил не так раз, другой – и потускнеет, покорёжится, а то и рухнет “лестница”.

А прочной опорой движения по ней является, судя по содержанию книги, слово, в котором не игра ума, а простота, внутренней теплотой своей согревающая сердце читателя. В книге Раевского сразу же с первых страниц окунаешься в эту самую простоту: здесь и трава растёт, и почки у деревьев лопаются, и весенний день солнышком сияет, но ткань стихотворения такова, что всё это простое, соединенное вместе, даёт картину, которая глубоко запечатлется и долго не отпускает, как однажды увиденное красивое лицо, почему-то вдруг запавшее в душу.

Так и стихи поэта: с многими из них ты уже хорошо знаком, но начинаешь читать и вновь не можешь оторваться: слова, нужные, располагаются и сцепляются так, что как бы подсвечивают друг друга, и вся строфа начинает светиться.

*Кусты, засыпанные снегом.  
Восторг, слезинка, синева...  
Домой, домой! Лошадке пегой  
Не в тягость наша кошева.*

Александр Раевский изображает не второстепенные приметы жизни, а её сгустки, то, что лежит в её основании.

На подворье привезли сено, сгружают его и стогуют. Но в том вся интрига стихотворения, всего искусства поэтического, что мы этой работы не видим, а лишь догадываемся о ней, чудодейственно её ощущаем – “в надворье творится хорошее что-то”. Это “что-то”, с одной стороны таинственное, а с другой напряжённо-волнующее и даже слегка пугающее: “по сугробам, плетням и столбам метались лучи, рокотала машина, от близкого гуда дрожа-

ла изба"... А вот и сами творцы хорошего, полные радости и гордости за содеянное, — "фуфайки и шапки кидали на пол, шутили, сорили пырейною осью" и начинали доброе, заслуженное трудом застолье в честь "доброго гостя".

*А гость — луговая забота людей —  
Темнел во дворе  
Величаво и строго.*

Вот он, величественный в своей простоте итог человеческого труда, и красоту его поэт подчёркивает образной и превосходно сделанной концовкой:

*И было уютно январской звезде  
Дремать на заснеженном темени снега.*

Это всё из первого раздела книги "Ласковая высь". А когда бытие стало пригибать эту высь да ещё тащить по грязи, заболела муза Раевского, запечалилась и застонала. Но это были не плаксивые, а мужественные слова — в стихах поэт не отводит взор от мерзостей и запустений рыночной действительности, смотрит в упор на неё, не отворачиваясь.

И всё-таки меня, читателя, больше привлекают не бичующие прокурорские строки, а те, где поэт судья и ответчик. В них боль и от паскудства окружающей жизни, и от собственной слабости. С болью в сердце выдаёт он этот сплав своей, далёкой от голубого сияния жизни со скудеющей жизнью народа и России в таких стихотворениях, как "Стою на посту, охраняю насосную...", "Молчаливый разговор", "Гнилое гибельное лето...", "Вещий сон". Вот, к примеру, как говорится об этом в "Позднем прозрении".

*Вся страна на больничной постели,  
Очень грязная эта постель.  
Как метели, года просвистели,  
Или сам их, дурак, просвистел?..*

Но, описывая свои невзгоды, поэт и не снимает с себя ответственности за погибель великой державы: "Проблукал в облаках и при этом проморгал злые силы во мгле...".

В последующих стихах, помещённых в этом же разделе "Надежды крестик золотой", чувства поэта как бы оттаивают, и уже не злостью и болью, а "печалью высшей просвечивает" он окружающий мир, и уже проступают в душе мотивы "Ласковой выси", и вновь туманит взгляд береза, "раскинувшись густым шатром, знакомым с детства", и "ласково вниз из-за тучи лиловый ОТЕЦ лучезарно глядит"; "Ничего, наше время придёт, всё наладится, всё возродится".

Спасение от духовного застоя, от душевной боли поэт ищет, на родине, в родном с детства доме.

Мне кажется, что Александр Раевский уже прошёл путь и обличения, и самобичевания. Людям нужны сейчас не столько указывающие на зло, сколько ищущие добро и помогающие его утверждению в жизни. И путеводитель тут, и вдохновитель — путь Христа, поселение добра в душах людей. Негодовать — просто. Любить и прощать по нынешним временам — подвижничество. Но другого пути, видимо, нет.

**Геннадий Кузнецов**